

**ЧЕЛОВЕК И ПРОФЕССИЯ:
ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(недежурные размышления о профессиональной этике)**

Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд — даже самый грубый — возвышается до творчества.

М. Горький

Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель.

Л. Н. Толстой

Профессия — один из наиболее значимых модусов бытия человека. Неспроста замечено, что профессию выбираешь, как жену. Ох, как много зависит от этого выбора! И очень многое зависит в нашей жизни от того, насколько удачным оказался выбор профессии у тех людей, с которыми мы день ото дня вольно или невольно вступаем во взаимоотношения. Целый пласт важных вопросов, связанных с межличностным общением, обусловленным профессией, обозначается термином *профессиональная этика*.

Подчеркнём: применяя словосочетание *профессиональная этика*, говорящие и пишущие используют слово «этика» в очень нестрогом смысле, как заменитель понятия «нравственность». Да, в обиходе слова «безнравственно», «аморально», «неэтично» используются примерно в одном и том же значении. Но разве это даёт нам основания отождествлять, тем более в строгих рассуждениях, изначальные смыслы понятий «нравственность», «мораль», «этика»!

Если предельно коротко обозначить фундаментальные различия этих терминов, то *нравственность* означает практи-

чески складывающиеся отношения между людьми, поступки, нравы. Под *моралью* следует понимать отражение этих взаимоотношений в людском сознании — в умонастроениях, представлениях о нормах, принципах, идеалах, в выносимых друг другу и себе самим оценках. А *этика* — это наука, пытающаяся со времён Аристотеля вскрыть закономерности в указанной области, соответствующей поискам человеком добра и зла. Стало быть, в выражении *профессиональная этика* от базового значения слова «этика» (этика = философская наука, изучающая нравственные явления) остаётся ещё меньше, чем в выражениях типа: «география фамилии», «психология победы», «история болезни».

Впрочем, уж раз так до нас сложилось, смирися, приняв во внимание указанную смысловую расстыковку. (Ведь как рождается речевая норма? Преимущественно — как плод действия немилосердной статистики.) И вслед за армией предшественников *будем под профессиональной этикой понимать* не раздел философской науки, а совокупность нравственных проблем и ценностей, связанных с деятельностью профессионала. Или, если попытаться дать

более строгое определение, — обусловленные профессиональной спецификой нравственные проблемы, а также нравственные качества, необходимые профессионалу для их решения.

Наверное, есть глубинная законосообразность в том, что первоначально выделилась, вызрела и оформилась в виде Клятвы Гиппократова система нравственных требований общества к представителю самой гуманной профессии, профессии врача. Далее история вновь и вновь подтверждала, что для рождения каждой новой разновидности «профессиональной этики» требовалось сочетание по меньшей мере трёх обстоятельств: претендующая на профессионально-этическую специфику профессия должна обладать высокой социальной значимостью, нравственная несостоятельность представителя данной профессии носит угрожающий обществу характер и, наконец, об этом в полной мере догадываются сами профессионалы, которые не только готовы взять на себя ответственность за социальную миссию, но и пытаются следить за чистотой своих рядов.

Средневековые цеховые кодексы, воинская присяга, различным образом выраженная рефлексия учёных, журналистов, представителей правоохранительных органов, сфер торговли и обслуживания, таможенников, пожарных, спортсменов, тренеров, администраторов, инженеров, охотников — всё это свидетельство растущей обоюдной заинтересованности профессионалов, с одной стороны, и остального сообщества — с другой. Правда, хоть в нашей стране законодательно и выделены дни-праздники работников машиностроения, нефтяника, металлурга, железнодорожника или шахтёра, говорить о профессиональной этике данных отраслей ещё рано. Равно как и о профессионально-этической специфике труда, скажем, слесаря, токаря, строителя, ремонтника. Зато уж никак не теряется в ряду самых важных профессий профессия учителя.

Ну, хорошо, допустим, ясно: профессиональной этике присущи естествен-

ность, значимость, саморефлексия. Но скажите: юридическая этика — одна и та же у адвоката и прокурора? А журналистская — одинакова ли для тех, кто пишет репортажи, фельетоны, или вырос до редактора? Или: что общего в деятельности продавца, кассира, грузчика и заведующего отделом магазина? Чего больше — общего или различного — в работе врача-педиатра, хирурга и патологоанатома? Наконец, в какой степени мы вправе одноименовать «воинская этика» соотносить с кругом обязанностей рядового бойца и генерала? Сапёра, стройбатовеца и валторниста из муззвезда? Танкиста, подводника, маслореза и каптёрщика? Или, скажем, так ли много общего у сотрудников, объединённых одним делом и одним названием «РГПУ»?! Ведь среди нас есть и ассистенты, и лаборанты, профессора и вахтёры, инженеры и работники столовой... То есть профессионалы самого разного качества. Или, если рассуждать не по логике организации труда, а, так сказать, пытаясь охватить всю ширину образовательного охвата, — так ли много пересечений в профессиональных мирах, которые выковываются на наших разных факультетах?

С другой стороны, нередко сам конкретный профессиональный труд «с большим скрипом» удаётся как-то атрибутировать: если человек учит других музыке, то кто он — музыкант или учитель? Как подмечено А. П. Мухиным, профессионал в одно и то же время может быть врачом, руководителем, педагогом и военнотружеником¹.

Новый вопрос возникает в связи с буквально взрывным ростом интереса, который проявляется в нашей стране к проблемам профессиональной этики на протяжении последних лет и месяцев. Чем обусловлен этот резкий пик заинтересованности? Реальной озабоченностью общества по поводу личных качеств представителей всё новых и новых профессий, чьи названия ещё не вошли в словари — аудиторы, инвестиционные аналитики,

рекламисты, специалисты PR²... — или какими-то иными соображениями самих этих представителей нововозникающих специальностей? Впрочем, не будем всматриваться кому бы то ни было в душу, а обратимся к тому, что легче поддаётся анализу.

Скажем, чём прежде всего обусловлена упомянутая выше социальная значимость видов труда, выделившихся профессиональной этикой? Нетрудно заметить, что все перечисленные профессии относятся к профессиям типа «человек—человек». То есть *содержание труда* у врача, юриста, милиционера, продавца, администратора и так далее принципиально отличается от труда, допустим, станочника или ремесленника. Оно *непосредственно включает человека* (обслуживаемого, контролируемого, управляемого — пациента, клиента и пр.). Это обстоятельство накладывает особенный отпечаток на процесс выполнения служебных обязанностей. В дополнение к универсальным нравственным трудовым ценностям: старательности, вдумчивости, самоконтролю, ответственности за качество выполненной работы — здесь прибавляются дополнительные требования: уважительности, тактичности, исполнительности и требовательности, коммуникативных навыков, справедливости, гуманности. В конкретных условиях склонности и притязания работника, интересы и ожидания общества в целом и малой профессиональной группы переплетаются неповторимым, часто самым причудливым, образом. Руководители—коллеги—подчинённые—смежники—поставщики—конкуренты—контролёры—потребители—заказчики — каждая из этих категорий активно пытается влиять на остальные.

В самом общем виде можно констатировать: актуализация отношений «человек—человек», свойственных профессиям указанного типа, как раз и происходит из-за того, что здесь наиболее остро сталкиваются жизненные интересы и самооценности всех этих перечисленных субъектов.

То есть сталкиваются интересы: разных отдельных личностей, отдельного человека и группы, интересы группы и национального сообщества, а также всего человечества в целом. А именно, происходит это в сферах, связанных с управлением, обслуживанием, — грубо говоря, с «производством и воспроизводством» человека.

Понятно поэтому, какова оказывается здесь значимость профессионального мастерства, и какова — цена профессионального брака. Скажем, от профессионализма медика зависят здоровье и жизнь многих десятков его пациентов, а от исправного несения службы пограничника или часового, от умелых или неумелых действий политиков — судьбы куда более многочисленных сограждан. Заложниками компетентности/некомпетентности, порядочности или непорядочности отдельного специалиста — наподобие продавца, провизора, кулинара, машиниста поезда, секретаря-референта, генерального секретаря — становятся не только самые близкие, что находятся у него на иждивении, но и все, кто попал в сферу его профессиональной активности.

Профессиональный риск рядового техника, инженера или ремесленника трудно соизмерим с риском человека, распоряжающегося акциями тысяч собственников, доверивших ему свой капитал, или решающего судьбу военной баталии. В этом смысле показательна роль даже такой мирной профессии, как спортсмен, особенно если это спортсмен экстракласса, защищающий цвета своей страны. Профессиональная удача или неудача юриста может стоить свободы и жизни его подопечного, а действиями политика вообще программируются судьбы целых поколений. Столь же стратегична и ответственна работа учителя, хоть она, может быть, не так наглядна и эффектна. Надо ли говорить, насколько велик риск в вопросах качества образования и воспитания — ведь он может сказаться на человеческой судьбе, гражданской позиции, жизненных удачах и неудачах каждого из

многочисленных выпускников РГПУ и, в свою очередь, на тех, чьи судьбы эти выпускники впоследствии определяют... Работа ведётся с умами и душами целых поколений!

Интересен и беспрецедентно важен вопрос, который можно было бы обозначить как «изнанку профессии» (выражение «изнанка театра» я встретил в «Воспоминаниях» у А. Райкина³). В этом вопросе фактически решается цена профессии для того, кто решил ей себя посвятить. Ведь понятно, что любая наираспривлекательнейшая (престижная, денежная, интересная, творческая и т. п.) профессия обладает далеко не только положительными сторонами. Балет — это не только аплодисменты, но и пронзительный запах пота за кулисами. Это непосильное напряжение, конкуренция, травматизм. Спорт — не только медали и пьедестал почёта, но и всамделишные пот и кровь. Удел врача — та же кровь, вдобавок с разными прочими малосимпатичными выделениями, а вовсе не какая-то абстрактная целительская деятельность. Политика — не только почётный эскорт, пресс-конференции и пенсия ушедшему в отставку, но и расшатанные нервы, опустошённые души, выгоревшая совесть. Искусство — не только почётные премии, тиражи, гонорары и выставки, но и муки сомнений, борьба с самим собой, непонимание близких, давление политиков, хамство толстосумов, недоброжелательство попутчиков. Кстати, стоит ли отдельного упоминания повсеместное жёсткое соперничество за место (возле трона, казны или Вечной Истины — тут различия уже не столь существенны). В этом отношении, похоже, учителю пока даже легче остальных. У него не так остра конкуренция⁴. Зато естественны издержки наподобие «трудных» детей, психологически неудобных коллег, невоспитанных родителей, бесконечных чиновников, вораха документации...

Легко догадаться, что так же, как торговля искушает корыстью, политика — бездушием, а медицина — равнодушием,

должности военные, милицейские и прочие пенитенциарные — жестокостью, точно так же в любой творчески освоенной профессии раньше или позже возникает риск «нравственной порчи», личностных срывов, семейных и прочих драм. К сожалению, мне не доводилось встречать соответствующей статистики, но, возможно где-то она имеется — статистика профессиональных взлётов и крушений, сопровождаемая корреляционными связями со статистикой периодов семейного благополучия и размолвок, статистика видов одиночества (одиночества победителя и неудачника, гордеца и изгоя). Мне было бы любопытно узнать, а часто ли новичку не просто показывают возможные минусы профессии (для работника, его близких и окружающих), но и подтверждают эти минусы цифрами профессионального травматизма, социальной дезадаптации? «Специалист подобен флюсу» — заявлял Козьма Прутков. Часто ли звучат объяснения, во что может вылиться «флюс» в данной профессии?

Плюсы профессии нам прекрасно изображают реклама и мечты, зато с минусами приходится знакомиться на собственном опыте, синяках-шишках, неудачах-срывах. А поскольку речь идёт о профессиях особенных, то риск негативных последствий умноживается на число людей, вовлечённых в сферу действия профессионала. Вообще о профессиональных минусах (или даже только о профессиональных злоупотреблениях) можно было бы написать целую библиотеку, — сортируя темы по сферам, видам и тяжести зла, наносимого профессионалами коллегам, потребителям, обществу, близким, себе самим.

Следующее, что нужно было бы упомянуть, рассуждая о проблемной области профессиональной этики, о нравственно значимом опыте профессиональной деятельности, — это проблема справедливости/несправедливости. Честно ли распределяются должностные посты и обязанности, объективны и уважительны ли в об-

щении друг с другом работающие, не возникает ли среди них того, что обозначается такими разнообразными словечками, как «блат», «кумовство», «любимчик», «групповщина», «дедовщина», «дискриминация», «протекционизм», — такие вопросы могут возникнуть в любом трудовом сообществе. И уж тем более выпукло обнаруживают себя эти явления в сферах, осваиваемых профессиональной этикой.

Как складываются отношения между руководителями и подчинёнными, между опытными работниками и новичками, достигается ли в их общении сочетание соперничества и сотрудничества, происходит ли обмен энергией, эмоциями, опытом? Или идёт необъявленная и бесконечная война «за место под солнцем» с элементами подсиживания, подставок, стукачества? Где находят место и меру профессиональные секреты, как налажена система проверки качества работы? Как происходят профессиональные дебюты, с почётом провожают или с треском выпроваживают ветеранов? Всё это вопросы, связанные со справедливостью. Они не имеют однозначного решения. Скажем, не существует универсального совета, как относиться к инициативе. Или — нет «формул приведения» для различных видов труда: интеллектуально сложных, эмоционально напрягающих, физически изнурительных. Нет таблицы, «конвертирующей» трудозатраты исполнителей, у которых разнятся способности, здоровье, состояние духа⁵.

Подводя промежуточные итоги рассуждений, можно констатировать, что частные виды профессиональной этики призваны выполнять вполне конкретные социальные функции, поскольку служат утверждению тех или иных ценностей культуры. Военская — сохранению безопасного существования социума, медицинская — сбережению ценностей жизни и здоровья индивидов. Спортивная, хоть и зарождалась тогда, когда спорт служил укреплению здоровья, нынче обслуживает скорее потребности масс в зрелищах и в сопереживании

чувства общности (локального, регионального, национального масштаба). Политическая — предназначена для обеспечения оптимального функционирования механизмов власти. Функция профессиональной этики работника торговли и сферы услуг — в минимизации «разборок» по поводу товарообмена, в утолении того, что когда-то называлось всё более растущими потребностями населения. Предпринимательская этика возникает в связи с необходимостью придать культурные формы тем процессам, которые возникают в сфере деловой активности. Охотничья этика, пусть и несколько вяло, пытается увязать интересы веселящихся на природе вооружённых дяденек с интересами более мирного населения и с интересами самой природы. Ценность, защищаемая журналистской этикой — информация, точнее, право общества на информацию. Юридическая этика служит согласованию прав гражданина с интересами сообщества. Этика науки и этика искусства, если сказать предельно коротко, служат утверждению ценностей Истины и Красоты.

Исходя из того, каковы защищаемые конкретной профессиональной сферой ценности, от работника этой сферы общество требует вполне определённых нравственно-психологических качеств. От воина — мужества, самоотверженности. От спортсмена — воли, выдержки, дисциплины, готовности вести честное соперничество. От журналиста — не просто умения увлекательно рассказывать о чём-либо сногшибательном, но и объективности, неподкупности. От учёного — пытливости, вдумчивости, непредвзятости, ответственности. От политика — способности выражать общие чаяния, защищать слабых, при этом мысля стратегично и договариваясь с соперничающими группировками. От врача — заботы и вежливости. От продавца — предупредительности и порядочности. От юриста — справедливости и гуманности.

Едва ли не больше всего ожиданий связано у общества с профессией учителя. В

самом деле, учитель должен быть и профессионалом, и патриотом, и психологом, и добрым наставником, и мудрым помощником. Ему следует быть требовательным и заботливым, настойчивым и терпеливым, честным и тактичным. Он должен уметь и сопереживать, и эмоционально заражать. Он должен быть и уверенным, и ищущим. Доброжелательным и взыскательным, прежде всего к себе. Ему надо уметь быть: организатором, политиком, психологом, артистом... Спортсмену во многих видах соревнований дается три, а то и шесть попыток. Разве есть такие шансы у педагога! Словом, лентяй, дурак, трус или подлец вряд ли надолго задержатся в учительской среде. Хотя и излишняя покладистость тоже вряд ли уместна для учителя. Наверное, от того, кто не умеет быть безжалостным, не будет большого проку ни в судьях, ни во врачах, ни в педагогах.

Очевидно, существуют некие явные противопоказания к занятиям тем или иным профессиональным видом деятельности. Скажем, чересчур щепетильному человеку вряд ли есть смысл заниматься политикой, сентиментальному — идти в милицию или армию, а застенчивому — в медики. Всем известно, что в охранники набирают людей не по степени галантности, в разведчики идут заведомо не самые скромные и прямодушные. Изысканность речи не принадлежит к наиболее значимым профессиональным умениям боцмана. А улыбка и вовсе может оказаться признаком полной профессиональной несостоятельности — если играет на лице работника цеха ритуальных услуг (говоря по старинке, похоронного бюро).

Зато, с другой стороны, существует немало отрицательных человеческих качеств, которые оказываются специфически востребованы профессиональной сферой:

любопытство поставлено на службу обществу — не только в научных исследованиях или в журналистике, но и в деятельности разведчика;

занудство весьма полезно в налоговом ведомстве, в специальностях типа инспектора-контролёра;

фокусники-иллюзионисты в своём призвании занимаются ничем иным, как *обманом*;

невзыскательность, под маской гуманности, культивируется в практике адвоката;

жестокость, ставшую профессией, мы находим у ландскнехтов-наёмников всех времён и народов;

близким качеством, *безжалостностью* должны обладать палачи. Её же не должны быть лишены даже и хирурги.

Задумаемся, есть ли какое-либо негативное качество, для коего не нашлось бы профессионального применения?

Высокомерие: хотел бы я видеть какого-нибудь политика или военачальника, начисто лишённого этой характеристики...

Хитрость и *двоедушие*, как ни крути, имеют немалую цену в тех видах общения, где оттачивают своё мастерство дипломаты.

А кто не слышал о фирме, которая выручает растерях и помогает хозяевам попасть домой, открыть сейф. То есть, фактически, этой фирмой легализованы способности и склонности *взломщика*!

Даже *предательство*, если всмотреться, — понятие, прямо скажем, относительное: за одни и те же действия одного и того же человека могут лишиться свободы и даже жизни, и в то же время удостоить высших государственных наград!

Надо ли говорить, что всегда найдётся возможность социально полезного приложения и для разрушителей, специализирующихся по Интернету (*хакеров*). Недавно Джордж Буш, сообщают, дал своим подчинённым поручение разработать на случай чрезвычайных обстоятельств программу, в соответствии с которой будет предусмотрено разрушение компьютерных сетей неприятеля. Детям понятно, что национальные интересы имеются не только у Соединённых Штатов... Кроме того, нельзя исключать других ситуаций в Ин-

тернете и вокруг него (диверсионные и контрдиверсионные акции, карательные операции), когда разрушительные действия компьютерщиков вполне могут быть признаны вынужденными и легитимными.

Впрочем, вернёмся к позитивным смыслам проблемно-ценностного поля профессиональной этики. Рассмотрим, например, в него с точки зрения *должного*. Действительно, различнейших меморандумов, кодексов профессии, обращений, деклараций, присяг, писем в будущее — не счесть. От «Профессионально-нравственного кодекса коллектива объединения “Сибком-престмонтаж”» — до «Этического кодекса психолога». Роднит их желание составителей прописать как можно детальней все мыслимые и немыслимые проблемные ситуации, все значимые ценностные ориентиры. Но — насколько мудрее был Моисей! И ведь даже десять заповедей не все запомнили. Не говоря уже про то, велико ли число людей, старающихся им следовать... Неужели кому-то ещё не ясно, что чем многословней призывы, обязанности, требования, обеты, тем меньше шансов, что ими будут пользоваться в реальной жизни! Можно сколько угодно искренне собираться начать новую жизнь, клясться друг другу в дружбе, сотрудничестве, порядочности и ещё более возвышенных вещах — устно, в меморандумах или манифестах, — но возможности даже очень разумного и волевого человека далеко не беспредельны. Тем более — там, где речь идёт об отношениях в сфере, почти неподвластной личностным усилиям. Когда-то остряки потешались над так называемыми «встречными планами» (пообещать-то можно сколько и чего угодно!). Завышенные обещания несут только вред: сбивают цену и словам, и людям, их произносящим. Вот, скажем, Гиппократ в своей Клятве — не упоминал о *любви* врача к пациенту или к коллеге. Хотя древние ещё как знали толк в любви, и умели отличить любовь продажную от истинной, любовь к спутнице жизни, к другу и к Родине. Именно потому, что текст Клятвы

был тщательнейшим образом выверен, соотнесён с реальной жизнью и с возможностями медиков, этот текст выдержал испытание временем.

И слава Богу, что продавцы не говорят о любви к покупателям! Любовь по обязанности лучше всего предоставить представительницам известной профессии. А в рамках тех профессий, о которых мы сейчас рассуждаем, — есть резон остаться реалистами, и добиваться, допустим, взаимной уважительности, следования общепринятым нормам. Любой разговор о благородных мотивах, о высокой щепетильности, доброжелательности в деловом мире изначально обречён⁶. Этот разговор или пустословие, или лицемерие, или простая наивность. Не знаю, что хуже. Надежда на высокую порядочность конкурента (и даже смежника) — скажем помягче — может серьёзно подвести. Если симпатия и сострадание в среде предпринимателей, в политике (а часто и в творческих профессиях) и имеют место, то играют там скорее факультативное значение. Жалость к слабому и любовь к сильному — не единственные варианты реакции на житейские столкновения. Да и в работе учителя, как представляется, отношение к ученику стоило бы строить с опорой не на sentimentальные настроения и высокие ориентиры (любовь, отзывчивость, душевную щедрость — хотя именно они способны по-настоящему объединять людей в хорошем деле), а прежде всего на уважении к достоинству всех, кто вовлечен в круг профессионального общения.

В качестве иллюстрации и как пищу для ума читающих эти страницы приведу три текста «Учительской клятвы» (см. с. 45). В левой колонке приведён текст, сочинённый Ш. А. Амонашвили⁷. Текст, помещённый в средней колонке, был роздан для обсуждения — наряду с альтернативным вариантом (подготовленным в РГПУ им. А. И. Герцена — здесь он приводится в третьей колонке⁸) — участникам Европейского форума за свободу в образовании — Петербург, май 1997 г.⁹

Кстати, не мешало бы вспомнить слова Л. Н. Толстого, помещённые в качестве эпиграфа к данной статье: «Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель». Первое, что приходит в голову как реакция на эти слова — неплохо бы учителю быть ещё и *компетентным!* Ну и, помимо того, — разве не нужно бы уточнить, а что делать с отношением к коллегам, к родителям учеников, к нормам морали, к официальным законам, к судьбе Родины? И правда, многословие опасно, но и афористичная манера изложения серьёзных вопросов — путь очень скользкий.

Если уж суждено когда-нибудь поставить профессиональную этику на прочную научную основу, а не ограничиваться афористическими наскоками или, наоборот, не идти мелкотравчатым путём перечисления всего-что-только-придёт-в-голову составителям очередного «кодекса горничной 4-го этажа», то придётся к каждой профессии, реально значимой с профессионально-этической точки зрения, тщательно продумать: во-первых, перечень наиболее существенных личностных качеств, без которых выполнять профессиональные обязанности затруднительно, невозможно или даже опасно (для окружающих и/или самого работника), во-вторых, перечень качеств, которые препятствуют успешному выполнению профессиональных обязанностей, в-третьих, перечень профессиональных рисков — наиболее типичных проблемных ситуаций и искушений, чреватых профессиональной и личностной деградацией, в-четвёртых, вытекающий из вышеперечисленного свод нравственных предостережений, запретов, советов, предписаний.

Но втискивать-то все эти перечни в текст кодекса вовсе не обязательно! Иначе жанр кодекса трансформируется в *устав* или *должностную инструкцию*. Ни в коем случае нельзя в изложении предписаний и торжественных обещаний, принимаемых на себя профессионалами, впа-

дать в идеализацию. Допустим, заявлять, что «покупатель всегда прав». Покупатель (ученик, пациент, подчинённый, избиратель, потребитель услуг, клиент и т. п.) не может быть *всегда* прав! Как бы нам этого ни хотелось, или как бы мы ни желали подольститься к конкретной группе людей, человек — не ангел. Именно здесь, в слишком сильном допущении, состояла едва ли не самая главная ошибка советского социализма. Никакому -центризму (покупателецентризму, детоцентризму, пациентоцентризму и т. д.) в профессиональной этике не должно быть места. Профессиональная этика должна настраивать работников на необходимость согласовывать интересы *всех субъектов*, вовлечённых в профессиональную сферу, в том числе всего сообщества в целом.

Особо следует заметить, что в рамках теоретической дисциплины, изучающей профессионально-этические проблемы и ценности, дело так или иначе ограничивается исключительно односторонним освещением. Профессионал как бы зависает в безвоздушном пространстве, социальные контуры которого едва обозначены. Для учителя, скажем, ученики оказываются, может быть, необходимым объектом, но таки объектом. К этому объекту в лучшем случае надо найти гуманный подход¹⁰... *Другая сторона* профессионального общения оказывается страдательной, или ещё хуже — чинит профессионалу помехи, не понимает своего же интереса, проявляет близорукость, бестактность и своеволие. Другая сторона профессионального общения, недостающий ракурс профессиональной этики — это важнейший элемент, опосредующий включение профессионала в широкий социальный контекст.

Почему-то составителями кодексов, присяг и прочих красивых документов не принимается во внимание, что и у тех людей, с кем общается профессионал, тоже существуют устойчивые нравственные детерминанты. Ведь как описываются и осмысливаются отношения покупателя к продавцу, пациента — к врачу, подчинён-

ного — к руководителю, рядового — к офицеру, спортсмена — к тренеру и т. п.? Почти исключительно в терминах управления, воздействия, внесения коррективов, то есть как пространство управления со стороны профессионала. Между прочим, у педагога *Другой стороной* оказываются и дети, и родители, и руководство, и проверяющие... Если хотите, прямо война на несколько фронтов!

Сильно ли утрировал положение вещей Б. Шоу, когда заявлял: «Все профессии — это заговор специалистов против профанов»¹¹? Может ли неспециалист судить о мастерстве профессионала? Почему не может! Если мы едем в автобусе, то для оценки класса водителя нам совсем не нужно владеть водительскими навыками. Не нужно быть хлебопёком, чтобы восхищаться или возмутиться качеством выпечки. Не нужно иметь педагогического образования, чтобы кого-то из учителей уважать, а кого-то — не очень. Более того, если продавец обращается к учёному, чтобы тот ему посоветовал, как лучше всего «втюхать» товар покупателю, пусть продавец не удивляется и не возмущается, что и покупатель в свою очередь раньше или позже обратятся к науке за советом, как

лучше всего облапошить продавца... Общества защиты прав потребителей — провозвестники новых отношений профессионала с «профанами». И то, что покуда не возникла организация, скажем, «Депутатских матерей», свидетельствует лишь о *теперешнем* сравнительном благополучии данной политической ниши, но не больше.

Надо полагать, что ближайшее будущее профессиональной этики — не только увеличение профессионального разнообразия точек, в которых будут сочетаться ожидания, требования общества, с требованиями и обещаниями профессионалов¹². Скажем, могут появляться всё новые и новые профессионально-этические документы, допустим, у водителей такси, парикмахеров, работников лифтремонтажа или асфальтоукладчиков. Но главное, в чём можно ждать существенного сдвига — это разработка научных основ, обобщение, типизация. Магистральный путь культуры не может сводиться к дроблению, нужны и мощные синтезирующие усилия. Нет никаких сомнений, что осмысление профессионально-этической проблематики «изнутри» отдельных профессий и со стороны социума сулит новые прорывы к лучшему мироустройству.

Примечания

1. Мухин А. П. Профессионально-нравственный конфликт: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: ЛГУ, 1987. С. 14

2. Где-то на страницах «Мировой паутины» мне встретился призыв сформулировать по-русски, что такое *fundriser*. Сдаётся, что наиболее точным обозначением этой профессии было бы русское слово «раскрутик», поскольку в нашем обиходе одно из ведущих значений слова «раскрутить» обозначает именно искусство кого-то заставить раскошелиться (см., напр.: *Елистратов В. С.* Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг. М.: Русские словари, 1994. С. 399).

3. А. И. Райкин пишет: «Когда, учась в институте, я вместе с другими студентами впервые стал участником александринской массовки, когда я увидел, как во время спектакля статисты (и артисты!) болтают о чём-то постороннем, щиплют друг друга от скуки, отпускают шуточки в адрес актёров, которые тут же, в двух шагах, пытались играть всерьёз, мне стало не по себе. Изнанка театра поразила меня: мне точно в душу плюнули» (*Райкин А. И.* Воспоминания. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 1993. С. 111).

4. Впрочем, сильно похоже, что Болонские процессы в *теперешнем* российском исполнении сопряжены именно с активным внедрением сопернического духа в систему образования. Насколько это хорошо или плохо — рассудит история.

5. Есть что-то одновременно жестокое и мудрое в обычаях монастыря, когда иноку, только-только освоившему какое-то дело, поручается новое, так называемое, «послушание». Но на то он, монастырь, и есть обитель отшельников, чтобы в нём хранить старину, воспроизводить древний чин, служить Господу, смирать гордыню. Кажется, вре-

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

мена Грегора Менделя безвозвратно ушли, и поиск, новации теперь — удел жителей секулярного мира. «Профессиональная» же этика, если её так можно назвать, православных или католических монахов восходит к христианской морали. Это тема особая.

6. А. Эйнштейн говорил, что если из храма науки удалить карьеристов и прочих малопорядочных людей, то этот храм заметно опустеет — цит. по: *Философия детства: Тезисы докладов и сообщений III Международной конференции «Ребёнок в современном мире»*. СПб.: ЮНЕСКО, РГПУ, 1996. С. 23.

7. См: *Амонашвили Ш. А. Гуманно-личностный подход к детям*. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. С. 538.

8. Данный текст, предложенный А. Зимбули, был первоначально напечатан в газете «Педагогические вести», №26 (2255), 28.12.1995.

9. М. Борхерт (ФРГ), подготовивший данный текст, но почему-то не подписавшийся под ним, будучи членом оргкомитета форума, фактически сорвал обсуждение вопроса. Трудное это и щепетильное дело — обсуждать нравственно-психологический портрет профессии, на каком бы уровне и на каком бы языке ни происходило обсуждение...

10. Примечательно об этом свидетельствует название вышецитированной программной работы выдающегося отечественного педагога, Ш. А. Амонашвили: «Гуманно-личностный подход к детям». Да не обидится классик — словосочетание «подход к детям» звучит едва ли не наподобие охотничьей рекомендации *подходить* к промышленному зверю с наветренной стороны...

11. Ларец острословов. М.: Политиздат, 1991. С. 240.

12. Одно из перспективных направлений здесь — экологически значимые профессии, например: ветеринар, укротитель, егерь, цирковой наездник, жокей, фармацевт, таксидермист (говоря более старомодно — чучельник).